

нец, можно привести монгольский глагол *šimekü* (шимэху) — сосать, высасывать, отсасывать.

Все эти лексические параллели могли бы служить основанием для этимологии имени „Шемяка“, но отсутствие историко-семантических связей между этим русским именем и названными иноязычными лексемами исключает в данном случае возможность заимствования из тюркских и монгольских языков или, по крайней мере, делает последнее мало вероятным.

Существуют также и другие соображения, которые заставляют нас отказаться от гипотезы заимствования слова „Шемяка“ из тюркских и монгольских языков. Во-первых, само это личное имя имеет если не исконно русскую, то вполне обруселую форму, потому что флексия „а“ чисто русского происхождения и решительно противоречит законам тюркского и монгольского вокализма. Во-вторых, хронология имени „Шемяка“ не позволяет в данном случае усматривать влияние тюркоязычной культуры Золотой орды, относящейся к XIV в., ибо первый известный нам Шемяка, рыльский князь Василий, жил во второй половине XIII в. и был современником первых татаро-монголов, которые пришли на Русь вместе с Батыем.

Таким образом, мы отказываемся от реконструкции слова „Шемяка“ из словаря тюркских и монгольских языков и, не имея в настоящее время лингвистических фактов из каких-либо других языков, например финно-угорских, должны склониться к мысли о происхождении этого загадочного имени из корнеслова диалектов русского языка. В пользу такого предположения говорит и факт существования среди древнерусских мирских имен обширной группы слов, которые также не поддаются этимологии путем сравнения со словарем тюркских, монгольских и финно-угорских языков. А. Соколов¹ уже высказал мнение, что такие имена вроде: „завьяла“, „курбат“, „салтык“, „шарап“, „шаньга“, „шелгун“, „шемет“, „шибан“, „шишмар“ и т. д., память о которых сохранилась не только в исторических документах, но и в современных фамилиях, скорее всего могут быть объяснены из анализа словаря русских диалектов.

Сближение и отождествление имени судьи в повести с историческими личностями, носившими имя Шемяка, вызывает прежде всего общие методологические затруднения, которые обычно возникают при сопоставлении собственных имен в художественном произведении и историческом документе. Эти затруднения усугубляются еще и тем соображением, что при распространенности имени „Шемяка“ в XVI—XVII вв. оказывается очень много исторических лиц и, между прочим, приказных судей, которые могли бы быть прототипами для героя повести. Между тем в научной литературе, как мы видели выше, почти безраздельно господствует мнение, отождествляющее судью Шемяку с галицким князем

¹ А. Соколов. Русские имена и прозвища в XVII веке. Казань, 1891, стр. 15 и др.